

В диссертационный совет 24.2.320.07
по юридическим наукам, созданный на базе
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего
образования «Кубанский государственный университет»

350000 г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 43, ауд. 11

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации Асланяна Руслана Георгиевича «Теоретические основы построения Особенной части российского уголовного права», представленной на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. – уголовно-правовые науки (юридические науки)

Вопросы внутреннего строения уголовного права являются действительно значимыми как для внутреннего, так и для внешне функционального и объективного понимания и применения того, что в конкретном политико-организованном обществе признается и легитимируется в качестве преступления, наконец, для того, как выстраиваются и систематизируются объекты уголовно-правовой охраны и какие ценностные приоритеты в них выражены в контексте современной законодательной и правоприменительной деятельности. И в этом смысле мы разделяем научную проблематику соискателя о том, что в силу специфики функционального назначения отрасли уголовного права такие представления должны в первую очередь отражаться *смыслами* системы нормативных предписаний ее Особенной части, которая образует содержательное ядро отрасли и обеспечивает связь уголовного права с криминологическими и иными условиями социальной действительности. Система Особенной части уголовного права выстраивается и должна выстраиваться в такую уголовно-правовую упорядоченную совокупность правовых предписаний о конкретных преступлениях, которая исключала бы произвольное расширение понятия и перечня преступных деяний. Соглашусь, с тем, что Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. вследствие многочисленных изменений и дополнений утратил свойства системно организованного правового положения, позволяющего определенно и с позиций обще социальной опасности судить, что может быть и что может признаваться преступлением, что естественно создало серьезные препятствия для определения и оценки уголовно-правовой мерности законодательного определения преступных деяний и единообразному применению уголовного закона в целом. И обусловлено это внутренней неполнотой и пробельностью правовых основ построения системы Особенной части уголовного права, ее неспособностью «самозащитаться» от произвольного понимания, изменения и расширения того, что объявляется и признается преступным. Это непростая –

многоаспектная и комплексная задача для уголовно-правовой науки, призванной определить такие системные начала построения и выражения правовых позиций относительно системы приоритетов в объектах уголовно-правовой охраны, чтобы обеспечивалось функционирование уголовного права на принципе исключительности его применения. Поэтому не могу не возрадоваться устремлениям соискателя Р.А. Асланяна, обратившего внимание на проблему системной совокупности уголовного права в контексте системных начал построения и функционирования Особенной части уголовного права. Абсолютно прав соискатель, утверждая следующее: «От того, насколько адекватны эти предписания реальным криминологическим угрозам, насколько точны и определены с точки зрения принципа законности, насколько согласованы между собой, а также с предписаниями Общей части уголовного права и положениями регулятивных правовых отраслей, зависят внутренняя устойчивость самой Особенной части, непротиворечивость и стабильность уголовного законодательства в целом и, как следствие, – эффективность правоприменительной практики в сфере противодействия преступлениям, степень реализации общепреventивного и воспитательного потенциалов уголовного права».

Судя по автореферату, для научного разрешения комплекса указанных проблем модернизации методолого-правовых основ понимания содержания Особенной части уголовного права, разработки и обоснования соответствующей современным правовым стандартам концепции ее внутреннего строения и внешних форм объективизации соискателем подвергнуты теоретическому анализу устоявшиеся методологические постулаты и развивающиеся положения общей теории права и отраслевой доктрины по поводу строения и системы Особенной части уголовного права; источники и внешние формы выражения нормативных предписаний Особенной части уголовного права и их системы; внутри- и межотраслевые связи нормативных предписаний Особенной части уголовного права; пробелы и коллизии, относящиеся к конструкции и строению Особенной части уголовного права; юридико-технические условия эффективности деятельности по закреплению, толкованию и применению нормативных предписаний и институтов Особенной части уголовного права.

Научные результаты проведенного исследования (совокупность общетеоретических и правовых положений и позиций, отличающихся методологической, содержательной или функциональной новизной выражения), насколько они отражены в автореферате и могут быть оценены в качестве таковых, по нашему мнению, заключены в следующем:

в модернизации методологического потенциала общетеоретического, общеправового и уголовно-правового знания относительно систематики построения и объективного выражения уголовного права, ориентированного на обеспечение самозащитных правовых позиций, гарантирующих правовую определенность, уголовно-правовую исключительность и социальную стабильность уголовно-правовой мерности того, что должно и не должно признаваться преступлением;

в концептуальных правовых позициях построения перспективной системы построения и внешнего выражения нормативных предписаний Особенной части уголовного права.

Особо важными в обосновании указанных положений мы считаем заключения и выводы соискателя относительно *теории источников* Особенной части уголовного права, которая включает в себя три основных блока: *учение о субъектах правотворчества в федеральном правовом государстве, учение о социальных факторах правообразования и учение о формах выражения правовых предписаний* (п. 4 положений, выносимых на защиту), а также относительно взаимосвязи уголовно-правовых предписаний Особенной части уголовного права с внешней социальной средой, с иными внутриотраслевыми, межотраслевыми правовыми образованиями, а также между отдельными структурными элементами самой системы институтов Особенной части, наконец заключение и анализ Особенной части уголовного права как охранительного элемента социально-правового управления формированием и установлением уголовно-правовых запретов и наказуемости (п. 5, 13, 14 указанных положений). Полностью разделяем позицию соискателя относительно того, что *существенным пробелом* в номенклатуре этих источников следует признать отсутствие официальной политико-правовой концепции уголовно-правового регулирования.

Заслуживает всяческой поддержки положение соискателя о том, что в основу систематизации институтов Особенной части уголовного права должны быть положены представления о *функционально-охранительном назначении уголовного права* и что систематизация нормативных предписаний Особенной части не должна восприниматься исключительно как техническое решение вопросов внешней формы уголовного права. Согласны с соискателем, что использование внешней формы Особенной части уголовного права для оптимизации уголовной политики на современном этапе должно включать в себя: а) развитие системы дефинитивных предписаний в Особенной и Общей частях уголовного права для целей ограничения судебного усмотрения; б) детализацию в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ полного списка бланкетных источников применительно к каждой разъясняемой норме; в) размещение квалифицирующих признаков, общих для некоторой группы преступлений, в отдельной статье в начале главы Особенной части в целях обеспечения системности дифференциации уголовной ответственности; г) создание в пределах глав Особенной части УК РФ двух отделений – об ответственности за преступления и об ответственности за проступки – в целях дифференциации публичных правонарушений; д) детализацию содержания правоохраняемых благ и дробление в соответствии с этим глав Особенной части в целях использования способностей объекта уголовно-правовой охраны выполнять функцию ограничителя пределов криминализации; е) изменение порядка расположения разделов в Особенной части уголовного права в целях оптимального отражения приоритетов уголовно-правовой охраны (п. 16 положений, выносимых на защиту).

Разделяя в целом большинство научных положений, сформулированных в автореферате, считаем возможным обратить внимание соискателя на некоторые положения, которые входят в противоречие с реальными фактами и их оценкой соискателем в дискурсе модернизации методолого-правовых основ построения содержательной системы Особенной части уголовного права.

Так, касаясь взаимосвязи предписаний Общей и Особенной частей уголовного права соискатель (п. 15) правильно исходит из признания за Общей частью уголовного права *системосохраняющей функции* по отношению как к уголовному праву в целом, так и по отношению к системе Особенной части, инструментом реализации которой выступают (по мнению соискателя) правовые конструкции основания уголовной ответственности и пределов наказуемости преступления. Почему-то здесь не называется правоохранительная предметность и функциональность уголовного права. Это очень важно для обеспечения охранительной системности уголовного права вопреки развиваемому в его институциях праву безопасности. Отсюда нарастающая *асистемность* уголовного права, которую нельзя, к сожалению, признать положительным явлением, тем более оправдывать все это «стремлением законодателя компенсировать или преодолеть те ограничения и пробелы, которые заложены в этих правовых конструкциях и которые не в полной мере соответствуют реализуемой в стране уголовной политике. Из автореферата не ясно, что здесь должно корректироваться на основе модернизированной теоретической концепции уголовного права.

Не могу согласиться с положением, сформулированным в п. 9 положений, выносимых на защиту, в частности с тем, что закономерное развитие множества нормативных предписаний в Особенной части уголовного права подчинено тенденции увеличения в структуре права *нетипичных предписаний*, и что это *отражает процессы специализации и детализации предписаний* общего характера, а равно их приспособления *к условиям неопределенности социальной среды*. Сомневаюсь, что развитие такого множества нормативных предписаний в Особенной части уголовного права – это закономерное развитие уголовного права.

Тем не менее, общий вывод на основе прочтения автореферата позволяет заключить, что диссертационное исследование существенно дополняет юридическую науку новыми теоретическими положениями рационального построения Особенной части уголовного права. В диссертации представлены теоретико-правовые конструкции и положения, выражающие новые научные воззрения о концепции построения системы нормативных предписаний Особенной части уголовного права, которые учитывает эволюционный опыт ее формирования и способны служить методологической основой для дальнейшего перспективного развития данной отрасли права.

Диссертация имеет прикладное значение, поскольку сформулированные в ней выводы и рекомендации стабилизируют теоретико-методологические основы сохранения и развития системных параметров уголовного права в современных условиях нестабильности и противоречивости уголовно-

правового нормотворчества, являясь надежной информационной базой для органов государственной власти в их работе по совершенствованию уголовного законодательства.

На основании изложенного заключаю, что по содержанию автореферата **диссертация** Асланяна Руслана Георгиевича «Теоретические основы построения Особенной части российского уголовного права» является завершенной научно-квалификационной работой, представляющей научное решение важной проблемы в области формирования теоретико-правовой конструкции современной эволюционирующей концепции построения системы нормативных предписаний Особенной части уголовного права, и соответствует п. 9–14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации ОТ24.09.2013 № 842 (в ред. от 11.09.2021 № 1539) «О порядке присуждения ученых степеней», а ее автор Асланян Руслан Георгиевич заслуживает присуждения ему ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4. – уголовно-правовые науки (юридические науки)

Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет»
доктор юридических наук, профессор



В.М. Хомич

25 мая 2023 г.

Сведения о лице, подготовившем отзыв:

Хомич Владимир Михайлович,

доктор юридических наук по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология и уголовно-исполнительное право;

ученое звание: профессор;

должность: профессор кафедры государственно-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет»;

адрес места работы: 220070, Минск, проспект Рокоссовского, 65 (проспект Партизанский, 26);

телефон: +375 17 209-79-72; +375 17 209-79-52, моб. : +375 29 645 40 60;

e-mail ul.khomich@tut.by

